

УДК-329:305

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-38-49

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В ПАРТИЙНЫХ СПИСКАХ КАНДИДАТОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р. С. Мухаметов

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Аннотация

Целью исследования является выявление основных факторов, которые определяют представленность женщин в партийных списках кандидатов в контексте российской партийной системы. Оно направлено на поиск ответа на вопрос: почему одни российские политические партии в большей степени включают женщин в партийные списки, а в другие – в меньшей? Для достижения поставленной цели был использован количественный метод – регрессионный анализ. Эмпирическая база исследования включает данные о российских политических партиях, полученные из различных источников, в том числе из базы данных «Манифесто», результаты контент-анализа партийных программ, а также данные о составе партийного руководства и структуре партий. Результаты эмпирического анализа показали, что значимым фактором, влияющим на представленность женщин в партийных списках кандидатов, является наличие женщин в партийном руководстве (положительная взаимосвязь). Вопреки теоретическим ожиданиям, не было выявлено статистически значимой взаимосвязи между либеральной идеологической ориентацией партий, приверженностью вопросам гендерного равенства, уровнем централизации партийной структуры и представленностью женщин в партийных списках. Полученные результаты указывают на то, что внутренняя кадровая структура партии, а не ее программная риторика или формальное идеологическое позиционирование является ключевым фактором повышения представительства женщин в списках кандидатов. Наличие женщин в руководящих органах партии коррелирует с более высокой долей женщин в избирательных списках, что свидетельствует о механизме внутриэлитной репрезентации и влиянии доступа к властным ресурсам на кадровые решения.

Ключевые слова: политические партии; партийные идеологии; левые и правые в политике; внутрипартийная демократия; политическое представительство; участие женщин; регрессионный анализ.

Введение

Вариативность доли женщин в партийных списках напрямую влияет на гендерный состав парламентов и на электоральное поведение избирателей: рост доли женщин в бюллетенях повышает явку женщин и улучшает электоральные результаты партий, которые увеличивают женское представительство (Casas-Arce, Saiz, 2015; Coman, Shair-Rosenfield, 2025). Исследования показывают, что увеличение доли женщин в законодательных органах связано со снижением общего уровня политической коррупции (Bauhr et al., 2024). Это объясняется тем, что женщины отдают предпочтение хорошо функционирующей сфере государственных услуг, а также тем, что представительство женщин сигнализирует государственным служащим о большей инклюзивности (de Barros Reis et al., 2024).

Несмотря на формально провозглашенное равноправие в современной России (Бальбот, Крыштановская, 2024: 135), представительство женщин в представительных органах остается значительно ниже доли женщин на государственной службе (доля женщин в федеральных органах власти составляет 78 %, в региональных органах власти и управления – 73 %, на муниципальных должностях и должностях муниципальной службы – 78 %¹). Это указывает на институциональные и партийные барьеры доступа женщин к депутатским мандатам. Региональные данные показывают

сильную вариативность: в одних субъектах доля женщин в парламентах приближается к одной трети, в других она близка к нулю. Так, согласно данным Росстата, в 2014 г. субъектами РФ с наибольшей долей женщин в парламентах были Калужская область (35 %), Чукотский автономный округ (33 %) и Кемеровская область (29 %). Чечня (2 %) и Дагестан (2 %), а также Новосибирская область (3 %) были регионами с наименьшей долей женщин в депутатском корпусе². Причины этой вариативности во многом заложены на этапе формирования партийных списков. Российские партии демонстрируют широкий разброс в отношении женщин-кандидатов: одни регулярно включают женщин на видные места, другие ограничиваются символическими номерами или вовсе обходят их при формировании списков.

В данной работе исследуется вопрос: какие факторы объясняют межпартийную вариативность доли женщин в списках? Актуальность исследования определяется необходимостью понять механизмы формирования партийных списков кандидатов. Цель настоящего исследования – эмпирически объяснить, при каких институциональных, внутрипартийных и нормативно-идеологических условиях российские партии способны и готовы повышать долю женщин в своих списках.

Отметим, что вопрос о вариативности представленности женщин в партийных списках российских партий не является новым в отечественной политической науке (Гербут, 2014; Жидкова, 2003). Предыдущие исследования, как правило, фокусировались на теоретическом аспекте, в то время как мы делаем акцент на статистическом анализе взаимосвязи между основными партийными характеристиками и степенью представленности женщин. Данная работа продолжает традицию отечественных политологов по выявлению ключевых детерминант, которые влияют на долю женщин в списках кандидатов российских политических партий, с использованием эмпирических методов (Мухаметов, 2022).

Исследование структурировано следующим образом. Вначале анализируются ключевые теоретические подходы, объясняющие вариации в представленности женщин в партийных избирательных списках. Далее описываются источники данных и методология исследования. Затем представлены результаты эмпирического анализа. В заключение суммируются основные положения работы и формулируются выводы.

Теоретические рамки исследования

Включение женщин в списки кандидатов на думских выборах в России, как и в других странах, существенно различается между разными политическими партиями. Данное исследование направлено на выявление причин, определяющих разную степень представленности женщин в списках политических партий, участвующих в думских выборах. Эти различия обусловлены целым комплексом факторов, связанных с партийной идеологией, внутрипартийной демократией, а также уровнем представленности женщин в партийном руководстве.

Партийная идеология чаще всего упоминается как фактор, влияющий на выдвижение кандидатов. Считается, что левые партии (социалистические, социал-демократические и либеральные) более склонны, чем правые (консервативные), выдвигать женщин в качестве кандидатов, так как первые являются сторонниками ценностей социальной справедливости и равенства, более чувствительны к интересам групп, исторически лишенных власти, и имеют более тесные связи с женскими движениями (Erzeel, Caluwaerts, 2015; Stockemer, 2007). Партии с левой ориентацией, как правило, уделяют больше внимания гендерному равенству в своей риторике и стремятся обеспечить более высокую представленность женщин в списках (Erzeel, Celis, 2016; Sundström, Stockemer, 2022). Исследования показывают, что левые политические ориентации ассоциируются с прогрессивными социальными изменениями и неприятием любых форм неравенства, а правые обозначают политические взгляды, которые поддерживают статус-кво и иерархичны по своей природе (Jost, 2021).

Надо сказать, что идеологический спектр «левые – правые» не имеет единого понимания в мире, а также существенно различается в зависимости от стран (Wojcik et al., 2021). Предыдущие работы показывают, что эта дифференциация особенно заметна между устоявшимися демократиями Западной и Центральной Европы и государствами Восточной Европы (Pop-Eleches, Tucker, 2010). Для российского контекста является типичным отнесение к правым (правоцентристам) преимущественно либералов, а к левым – коммунистов и сторонников социалистического пути развития страны

² Женщины и мужчины России. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014.

(Жигадло, 2023). Стоит заметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. левыми и правыми обозначали тех, кто выступал за изменение системы («реформаторы») и ее сохранение («консерваторы») соответственно. Другими словами, в тот период «левыми» обозначали демократов и сторонников свободной рыночной экономики, а «правыми» – приверженцев социализма и коммунистической системы (Evans, Whitefield, 1998). В 1990–2000-е гг. слова «правый», «правые» в российском политическом дискурсе были присвоены либеральными партиями (например, «Яблоко» и «Союз Правых Сил»), которые ориентированы на западные, с их акцентом на постматериалистические, ценности. В российских партиях левого толка часто преобладают консервативные взгляды, а продвижение женщин не всегда является приоритетом. Отечественные исследователи отмечают, что идеологиям левых партий в стране присущи элементы консерватизма (Головченко, 2009). По мнению Н. Работяжева, КПРФ представляет собой партию социального консерватизма (Работяжев, 2014).

Уровень централизации процесса отбора кандидатов неизменно рассматривается как фактор, объясняющий различия в представленности женщин в партийных списках кандидатов. В научной литературе преобладает точка зрения, что централизация партий способствует успеху женщин среди членов парламента (Aldrich, 2020; Kittilson, 2006). В централизованных партиях партийные элиты могут просто продвигать свои репрезентативные приоритеты, включая продвижение маргинальных групп на выборах (Rahat, Hazan, 2010). Как предполагает М. Крук, децентрализация процесса отбора может стать препятствием для увеличения социального разнообразия в пуле кандидатов: местная автономия может создать проблему координации, поскольку региональные и местные отделения выбирают своего кандидата изолированно, без более широкого обсуждения разнообразия или того, что происходит в других округах (Krook, 2010). Кроме того, считается, что децентрализованные методы отбора приносят пользу мужчинам, потому что кандидаты больше полагаются на личные ресурсы и сети (Indridason, Kristinsson, 2015). По мнению М. Коул, децентрализация создает среду, в которой женщинам необходимо одновременно оказывать давление на каждое региональное и/или местное отделение. Там, где отбор кандидатов осуществляется централизованно, женщины имеют единый координационный центр, а национальное партийное руководство может непосредственно реагировать на растущее давление, направленное на существенное увеличение представленности женщин (Caul, 1999: 81). Таким образом, у менеджмента более централизованных партий есть стимул составлять сбалансированные списки кандидатов в качестве средства предотвращения критики и удовлетворения социальных ожиданий электората (Pruyers et al., 2017).

Исследования показывают, что российские политические партии скорее тяготеют к *централизованному* типу, хотя ее степень варьируется. В большинстве российских партий ключевую роль играет лидер, который определяет стратегию партии, принимает важные решения и имеет значительное влияние на формирование списков кандидатов. В партийных структурах часто выстраивается вертикаль власти, где решения принимаются в центре и спускаются вниз, а роль региональных отделений ограничена исполнением указаний сверху. Выдвижение кандидатов на выборах часто происходит по согласованию с центральным руководством партии, что ограничивает самостоятельность региональных отделений в этом вопросе (Мухаметов, 2021).

Наличие женщин в партийном руководстве – важный фактор, влияющий на политику партии в отношении гендерного равенства. Женщины в руководстве партии, скорее всего, лучше осведомлены о проблемах, с которыми представительницы их пола сталкиваются в политике и в обществе в целом. Они могут быть более мотивированы продвигать решения, направленные на устранение гендерного неравенства. Женщины в руководстве становятся ролевыми моделями и представляют интересы женщин – членов партии. Они могут выступать в качестве адвокатов гендерного равенства и способствовать принятию решений, учитывающих интересы женщин. Женщины в руководстве могут изменять партийную культуру, делая ее более инклюзивной и благоприятной для женщин. Они могут продвигать политику, направленную на борьбу с сексизмом и дискриминацией в партии (Sundström, Stockemer, 2022). Многочисленные исследования показывают, что партии, в которых женщины занимают руководящие должности, более склонны к продвижению гендерного равенства и включению женщин в списки кандидатов (Caul, 1999; Childs, Kittilson, 2016).

Присутствие большого количества женщин в партийной элите должно увеличить общее число женщин в списках кандидатов по трем причинам. Во-первых, высокий процент женщин в партийной элите может указывать на увеличение числа квалифицированных (или считающихся квалифицированными) женщин в партиях страны. Во-вторых, членство на таких должностях рассматривается как необходимое обучение, прежде чем член партии будет признан достойным выбора в качестве кандидата. Наконец, женщины – партийные элиты могут сами выступать за большее число

женщин-кандидатов (Kunovich, Paxton, 2005). По мнению П. Пакстон и М. Хьюз, женщина на посту председателя партии может положительно повлиять на гендерный состав списков кандидатов по трем причинам. Во-первых, в ее окружении больше квалифицированных женщин. Во-вторых, она может применять более эффективные стратегии вербовки по отношению к женщинам, чем это делают мужчины. В-третьих, она может быть более открыта для того, чтобы видеть существующие препятствия для женщин в получении выборных должностей и работать над их устранением (Paxton, Hughes, 2016).

Присутствие женщин в качестве лидеров партий важно по нескольким причинам: считается, что они поддерживают женщин-политиков в процессе отбора кандидатов, могут обеспечить более надежную гарантию учета интересов женщин в процессе разработки политики и могут служить примером для будущих политиков (Wauters, Pilet, 2015).

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сформулировать *три рабочих гипотезы*:

- 1) либеральные партии в большей степени склонны выдвигать женщин в качестве кандидатов;
- 2) представительство женщин в списках кандидатов выше в более централизованных партиях;
- 3) более высокий уровень женщин в партийном руководстве положительно влияет на представленность женщин в качестве кандидатов.

Источники данных и метод исследования

В предыдущем разделе мы предложили три рабочих гипотезы, предполагающие, что более высокая доля женщин в партийных списках кандидатов связана с либеральными партиями, низким уровнем внутрипартийной демократией и наличием женщин в партийном руководстве. Чтобы проверить эти теоретические ожидания, мы проанализируем федеральные списки кандидатов, которые составляются и выдвигаются политическими партиями для участия в парламентских выборах в России. Под политической партией в данной работе понимается команда политиков, которые стремятся занять выборные должности (Aldrich, 1995: 7).

Зависимая переменная – доля женщин в списках кандидатов («женщины»). В данной работе рассмотрены списки кандидатов основных участников всех думских избирательных кампаний (с 1993 до 2021 г.). Под основными понимаются партии, которые были допущены до распределения депутатских мандатов в рамках пропорциональной системы. Для партий, отсутствующих в «Манифесто» 2016/2021, мы перенесли их последние достоверно закодированные значения идеологии из предыдущих волн исследования (наиболее вероятная классификация партии «Новые люди» – либеральная, исходя из соотнесения программы с кодовой книгой проекта).

Важно также подчеркнуть, что процент женщин был рассчитан только по общенациональной части федеральных списков кандидатов, поскольку в открытом доступе нет в полном объеме списка кандидатов региональных групп (это в большей мере касается участников думских выборов 1993 и 1995 гг.).

В настоящем исследовании присутствуют три *независимых переменных*, которые определены теоретическими подходами и сформулированными гипотезами.

В рамках первой гипотезы проверяется влияние партийных идеологий. Переменная, отражающая *идеологическую направленность партии*, объединяет два аспекта: *идеологическую принадлежность* и *степень приверженности гендерному равенству*. Это позволяет учитывать не только формальную идеологию партии, но и конкретные программные установки, связанные с равенством полов, что особенно важно при анализе политики по выдвижению женщин-кандидатов.

Переменная «идеологическая принадлежность» является дихотомической: она получает значение «1», если политическая партия придерживается идеи либерализма, и «0» – во всех остальных случаях. Источником данных по партийным идеологиям является база данных проекта «Манифесто» (The Manifesto Project Database), которая считается одним из наиболее широко используемых и влиятельных сравнительных наборов данных в политологии³. Использование данного проекта в качестве источника данных дает три основных преимущества. Во-первых, оценка партийных идеологий основана на авторитетных документах, изданных самими партиями. Во-вторых, партийные программы и предвыборные манифесты обычно готовятся перед каждым выборами, что позволяет изучить идеологическое позиционирование партии во времени. Наконец, кодирование на основе

³ The Manifesto Project Database [online]. Available at: <https://manifestoproject.wzb.eu/> (accessed: 1.07.2025).

общих схем классификации позволяет исследователям отслеживать позицию партий по различным вопросам в разных странах и в разное время (Dinas, Gemenis, 2010). Необходимо отметить, что существует несколько источников данных, которые предоставляют информацию об идеологическом позиционировании политических партий, помимо изучения партийных программ: опросы экспертов, опросы общественного мнения, данные поименного голосования депутатов в парламенте (Hjorth et al., 2015; Klemmensen et al., 2007).

Второй аспект *идеологической направленности партии* отражает *степень приверженности политических партий гендерному равенству*. Существует несколько способов ее оценки: 1) анализ партийных программ и предвыборных манифестов; 2) доля женщин на руководящих должностях в партии; 3) проведение опроса экспертов (Weeks et al., 2024). В нашем случае был проведен качественный контент-анализ партийных программ и предвыборных манифестов партий (использовался такой программный продукт, как *Aquad*), участвовавших в думских выборах. Источником данных послужили официальные веб-сайты партий (в том числе и архивные страницы), где были размещены указанные документы, а также ресурсы открытого доступа. Для этого была разработана 5-балльная шкала, где 1 балл – отсутствие упоминаний гендерного равенства (в партийной программе или манифесте полностью отсутствуют упоминания о гендерном равенстве, правах женщин или борьбе с дискриминацией по признаку пола), а 5 баллов – высокая приверженность (в программе и манифесте детально проработаны конкретные меры и механизмы обеспечения равных возможностей для женщин и мужчин во всех сферах жизни, присутствуют положения о гендерных квотах или других механизмах обеспечения равного представительства женщин в политике)⁴. Следует отметить, что использование качественного контент-анализа имеет определенные ограничения. В частности, оценка приверженности партии гендерному равенству основывается на интерпретации программных документов, которые могут не всегда отражать реальную практику партии. Тем не менее данный метод позволяет получить ценную информацию о заявленной позиции партии по гендерным вопросам, которая может оказывать влияние на ее политику в отношении выдвижения женщин-кандидатов.

Для тестирования второй гипотезы вводится переменная «Внутрипартийная демократия» (*Intra-Party Democracy, IPD*) с целью оценить степень демократичности внутренней структуры партии, участия членов партии в принятии решений, наличия механизмов сменяемости руководства. При операционализации данной переменной мы опираемся на методологию, разработанную Бенджамином фон дем Берге, который предлагает измерять уровень *IPD* с помощью контент-анализа партийных уставов, так как они являются полезным индикатором для выявления отношений между лидером партии, отдельными членами и партийными органами (Berge von dem et al., 2013; Berge von dem, Roguntke, 2017). Уровень *IPD* измеряется на основе двух критериев – инклюзивности и децентрализации. Первое относится к охвату круга лиц, принимающих решения в партии. Второе понимается как процесс, который делает возможным, чтобы весь процесс принятия решений не был централизован в одном органе на высшем национальном уровне, чтобы субнациональные партийные подразделения пользовались широкой поддержкой. Для измерения уровня инклюзивности и децентрализации исследователи выделили три основные теоретические категории *IPD*: права участников, организационная структура и процесс принятия решений. Уровень внутрипартийной демократии варьируется от -1 (самый низкий) до +1 (самый высокий) (Xhaferaj, 2022).

Проверка третьей гипотезы осуществляется через переменную «Женское лидерство», которая носит дихотомический характер: переменная получает значение «1», если женщина была главой партии, которая принимала участие в думских выборах, или лидером общественно-политической организации, соучредителем избирательного блока; в остальных случаях – значение «0».

Основные показатели описательной статистики по переменным представлены в табл. 1.

⁴ На первом этапе была разработана *категориальная схема*, включавшая ключевые тематические блоки, которые отражали различные аспекты гендерного равенства: 1) упоминание прав женщин и гендерного равенства в целом; 2) меры по обеспечению равных возможностей в сфере занятости и образования; участие женщин в политике и механизмы представительства (например, гендерные квоты); 3) предотвращение дискриминации и насилия по признаку пола. Каждый документ (программа и манифест) подвергался *построчному анализу*: фиксировались все упоминания, относящиеся к данным категориям, а также контекст, в котором они встречались (описание проблемы, конкретные меры, декларативные заявления и т.п.). Далее проводилось *оценивание по пятибалльной шкале*.

Описательная статистика

Переменные	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Женщины	13,19	0	23,70	0	100
Идеологическая принадлежность	0,264	0	0,445	0	1
Гендерное равенство	3,189	3	1,075	2	5
Внутрипартийная демократия	-0,378	-0,5	0,459	-1	0,5
Женское лидерство	0,188	0	0,395	0	1

В рамках данного исследования применяется регрессионный анализ панельных данных (*panel data regression analysis*). Это набор данных состоит из наблюдений по нескольким политическим партиям (i) в различные годы парламентских выборов (t), что обеспечивает возможность анализа изменений внутри партий во времени. Поскольку можно предположить, что некоторые характеристики партий (например, идеология, организационная культура) неизменны во времени и при этом могут коррелировать с независимыми переменными, для анализа была выбрана модель с фиксированными эффектами (*Fixed Effects, FE*). Для проверки корректности выбора между моделью с фиксированными и случайными эффектами использовался *тест Хаусмана (Hausman test)*. Его результаты показали статистически значимую корреляцию между индивидуальными эффектами и независимыми переменными, что подтверждает обоснованность использования модели с фиксированными эффектами. Набор данных представляет собой несбалансированную панель, так как не все партии участвовали во всех электоральных циклах. Тем не менее данный тип данных корректно обрабатывается методами панельной регрессии с фиксированными эффектами.

Статистические расчеты производились в программе *GRETL*.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведем эмпирическую проверку сформулированных рабочих гипотез. Для оценки влияния различных факторов на представительство женщин в списках кандидатов от политических партий был проведен регрессионный анализ. Для коррекции возможной гетероскедастичности данных использовались робастные оценки стандартных ошибок (*HC1*), предложенные Хэлбертом Л. Уайтом-младшим (White, 1980). Это позволило получить более надежные оценки значимости коэффициентов регрессии. Мультиколлинеарность между независимыми переменными была оценена с помощью инфляционных факторов (*VIF*). Значения *VIF* варьировались от 1,426 до 2,946 (наивысшее значение в наборе, но все еще в безопасной зоне, т.е. менее 3). Все приведенные значения *VIF* значительно ниже порога 10, который обычно рассматривают как сигнал серьезной мультиколлинеарности; даже более строгий порог в 3 не превышает. Это означает, что явной проблемы мультиколлинеарности среди переменных нет, и коэффициенты моделей не должны быть сильно искажены из-за линейной зависимости между регрессорами.

В табл. 2 представлены результаты регрессионного анализа, целью которого было определение статистически значимых взаимосвязей между долей женщин в партийных списках кандидатов и набором независимых переменных, характеризующих партийную идеологию, внутрипартийную демократию и женское партийное лидерство.

Из табл. 2 видно, что фактор, связанный с партийной идеологией, статистически значим, но на уровне 10 % ($p = 0,058$; $p < 0,1$). В то же время коэффициент детерминации является отрицательным ($k = -17,563$). Это означает в нашем случае, что группа, закодированная как «1» (либеральные партии), имеет в среднем меньшее значение зависимой переменной, чем группа, закодированная как «0». Таким образом, первая рабочая гипотеза (либеральные партии в большей степени склонны выдвигать женщин в качестве кандидатов), предполагающая положительную взаимосвязь, не получила эмпирического подтверждения. Данный результат нуждается в объяснении.

Во-первых, хотя проект *Manifesto Project Database* – это крупнейшая база данных партийных программ, используемая для анализа политических предпочтений и идеологических установок, он подвергается критике. Система категоризации (например, деление на «левую» и «правую» политико-

идеологическую риторику) может не учитывать нюансы локальных политических контекстов. Критерии «левизны» и «правизны» основаны на европейском политическом спектре и могут исказить позиции партий из других регионов. Кроме того, учитываются только официальные программы, хотя реальная партийная политика может определяться иными текстами (например, речи партийных лидеров) (Hansen, 2008; Proksch et al., 2010; Benoit, Laver, 2007).

Таблица 2

Результаты эмпирического анализа

Переменные	Коэффициент	Станд. ошибка	t-статистика	p-значение
Идеолог. принадлежность	-17,563	9,074	-1,935	0,058*
Гендерное равенство	2,270	3,500	0,648	0,519
Внутрипартийная демократия	11,563	9,332	1,239	0,221
Женское лидерство	43,568	9,406	4,632	0,000**
const	6,741	14,664	0,459	0,647

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; R-квадрат – 0,589; Исправленный R-квадрат – 0,555. Кол-во наблюдений – 53

Во-вторых, многие российские партии не имеют четко сформулированной и последовательной идеологии. Их программы и риторика часто носят эклектичный характер, сочетая элементы разных идеологий, чтобы привлечь более широкий круг избирателей, или же декларируют одни ценности, а на практике придерживаются других. Кроме того, партии могут менять свою идеологическую ориентацию в зависимости от политической конъюнктуры (Малинова, 2001). Исследователи отмечают, что программные партии являются скорее исключениями, большинство партий в стране представляют собой другие типы: «партии власти», «партии-спойлеры», «квазиоппозиционные» (Oversloot, Verheul, 2006), корпоративно-лоббистские и политтехнологические (Любарев, Вольхина, 2018).

Что касается интерпретации приверженности партий вопросам гендерного равенства, отраженным в их программных документах, то результаты регрессионного анализа показали отсутствие статистически значимой положительной взаимосвязи ($p = 0,519$; $p > 0,05$) с представленностью женщин в партийных списках кандидатов. Это свидетельствует о том, что программные заявления сами по себе не гарантируют инклюзивных кадровых практик. Возможные причины включают декларативность программ, доминирование внутрипартийных процедур при отборе кандидатов. Кроме того, измерения приверженности через контент-анализ могут быть недостаточно чувствительными к скрытым или неформальным политическим практикам внутри партий.

Вопреки доминирующей в политологической литературе точке зрения о том, что централизованные партии в большей степени склонны включать женщин в списки кандидатов, результаты проведенного регрессионного анализа не выявили статистически значимой связи между степенью внутрипартийной демократии и долей женщин в партийных списках кандидатов ($p = 0,221$, $p > 0,05$). Рабочая гипотеза не получила эмпирического подтверждения. Этот результат является неожиданным, поскольку противоречит широко распространенному мнению о том, что жесткий централизованный контроль со стороны руководства в партиях способствует продвижению гендерного равенства при отборе кандидатов. Этот результат требует определенной интерпретации. Используемый в настоящем исследовании метод измерения внутрипартийной демократии может неадекватно отражать реальную ситуацию в партиях. В данной работе он измерялся с помощью качественного контент-анализа уставов партий. Необходимо отметить, что партийный устав является лишь декларативным документом, а реальная практика внутрипартийной жизни может значительно отличаться от зафиксированных в этом документе принципов. В частности, вопросы выдвижения кандидатов могут регулироваться другими внутренними документами или неформальными практиками, не отраженными в уставе. Кроме того, использованные при контент-анализе индикаторы демократии могут быть недостаточно чувствительными к процессам, влияющим на выдвижение женщин. Некоторые исследователи считают, что децентрализованные структуры более благоприятными для выдвижения женщин в качестве кандидатов (Kenny, 2013; Kenny, Verge, 2013).

Результаты нашего исследования подтверждают гипотезу о том, что более высокий уровень женщин в партийном руководстве положительно влияет на представленность женщин в партийных списках кандидатов. Данный результат согласуется с выводами предшествующих исследований. В академических кругах существует консенсус в отношении того, что женщины-руководители предоставляют символические возможности и помогают сформировать позитивное отношение общества к женщинам в политике, т.е. потенциально могут стать катализаторами перемен, которые повысят присутствие женщин в политических институтах (Pansardi, Vercesi, 2026). Как отмечают ученые, став более влиятельными в своей партии, избранные женщины могут оказывать не только более сильное влияние на включение в состав будущих списков женщин (эффект расширения прав и возможностей), но и воздействовать на другие партии, которые могут корректировать свои подходы к отбору кандидатов в ответ на избрание женщин по спискам других партий (эффект заражения) (Jankowski, 2019). В предыдущих работах утверждается, что более высокая доля женщин в партийном руководстве приводит к тому, что партия (независимо от ее идеологической направленности) с большей вероятностью будет выступать за гендерное равенство в сфере занятости (Purcell, Naga, 2023).

Заключение

Настоящее исследование направлено на выявление основных факторов, определяющих представленность женщин в списках кандидатов в контексте российской партийной системы. Отвечая на исследовательский вопрос о причинах различий между российскими политическими партиями в количестве выдвигаемых ими женщин-кандидатов, мы стремились определить условия, при которых партии могут и хотят увеличивать представленность женщин в своих списках. Для достижения поставленной цели был использован количественный метод исследования – регрессионный анализ. Эмпирическая база исследования включала данные о российских политических партиях, полученные из различных источников, в том числе из базы данных «Манифесто», результаты контент-анализа партийных программ, а также данные о составе партийного руководства и структуре партий.

Вопреки распространенному мнению о том, что либеральные партии более склонны выдвигать женщин, эмпирического подтверждения этой гипотезе получено не было. Это свидетельствует о том, что идеологическая ориентация в российском контексте не является определяющим фактором в вопросе представительства женщин в партийных списках. Важно отметить, что заявленная позиция партии по гендерным вопросам в программах не предсказывает реальные практики формирования партийных списков в исследуемой выборке. Программные партии не транслируются в практику отбора кандидатов и остаются декларативными без организационных механизмов их реализации. Результаты исследования не подтвердили тезис о том, что централизованные партии активнее включают женщин в свои списки кандидатов. Этот факт ставит под сомнение универсальность утверждений о положительном влиянии централизации партийной структуры на гендерное равенство в политике и указывает на необходимость учитывать специфические особенности партийных систем при изучении этого вопроса. Напротив, исследование подтвердило гипотезу о положительном влиянии представленности женщин в партийном руководстве на выдвижение женщин-кандидатов. Это подчеркивает важность присутствия женщин на руководящих должностях для продвижения гендерных интересов и создания благоприятной среды для участия женщин в политике.

Таким образом, результаты исследования позволили уточнить теоретические представления о роли идеологии и организационной структуры партии в продвижении гендерного равенства в политике, а также предложить новые объяснения, учитывающие специфику российского контекста. Важно сказать, что настоящая работа продолжает традицию более полного понимания детерминант, которые определяют представленность женщин в партийных списках кандидатов в России. Полученные результаты подчеркивают сложность и многогранность этого вопроса.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Данная работа ограничивается анализом российских политических партий, которые были допущены до распределения мандатов по итогам думских выборов с 1993 по 2021 г. Результаты могут быть не применимы к партиям, не представленным в нашей выборке, или к другим политическим системам. Несмотря на предпринятые усилия по сбору данных, в исследовании не удалось учесть все факторы, которые могут влиять на представленность женщин в партийных списках кандидатов. В дальнейших исследованиях можно использовать другие теоретические подходы для более глубокого понимания уровня представленности женщин в партийных списках.

Список литературы / References

- Бальбот, Н. А., Крыштановская, О. В. (2024) 'Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России', Вестник Института социологии, 4, сс. 133–154. [Balbot, N. A., and Kryshtanovskaya, O. V. (2024) 'The Role of the 'Third Sector' in the Political Careers of Men and Women in Russia' [Rol' «tret'ego sektora» v politicheskoy kar'ere muzhchin i zhenshhin v Rossii], Bulletin of the Institute of Sociology, 4, pp. 133–154. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6. EDN: TOBZTK
- Гербут, Н. А. (2014) 'Влияние партийных характеристик на гендерное представительство в парламентах', Женщина в российском обществе, 1, сс. 18–25. [Gerbut, N. A. (2014) 'The Influence of Party Characteristics on Gender Representation in Parliaments' [Vlijanie partijnyh harakteristik na gendernoe predstavitel'stvo v parlamentah], Woman in Russian Society, 1, pp. 18–25. (In Russ.)]. EDN RYLFHZ.
- Головченко, В. И. (2009) 'Идеологические основы КПРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы', Власть, 3, сс. 74–78. [Golovchenko, V. I. (2009) 'The Ideological Foundations of the Communist Party of the Russian Federation and A Just Russia: Features and Prospects' [Ideologicheskie osnovy KPRF i «Spravedlivoj Rossii»: osobennosti i perspektivy], Vlast, 3, pp. 74–78. (In Russ.)]. EDN JXXAUJ.
- Жигаadlo, К. В. (2023) 'Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма', Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2, сс. 423–433. [Zhigadlo, K. V. (2023) 'The Problem of the Division into Left and Right in Contemporary Russia through the Prism of Social Constructivism' [Problema razmezhevanija na levyyh i pravyyh v sovremennoj Rossii cherez prizmu social'nogo konstruktivizma], Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 2, pp. 423–433. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433. EDN PGJXDU
- Жидкова, Н. Г. (2003) 'Избирательная система, политические партии и представительство женщин: теоретический аспект', Политическая наука, 1, сс. 126–143. [Zhidkova, N. G. (2003) 'Electoral System, Political Parties, and Women's Representation: A Theoretical Aspect' [Izbitatel'naja sistema, politicheskie partii i predstavitel'stvo zhenshhin: teoreticheskij aspekt], Political Science, 1, pp. 126–143. (In Russ.)].
- Любарев, А. Е., Вольхина, М. В. (2018) 'Классификация новых политических партий', Политическая концептология, 3, сс. 234–240. [Lyubarev, A. E., Volkhina, M. V. (2018) 'Classification of New Political Parties' [Klassifikacija novyyh politicheskikh partij], Political Conceptology, 3, pp. 234–240. (In Russ.)]. EDN VRJGHN
- Малинова, О. Ю. (2001) 'Партийные идеологии в России: атрибут или антураж?' Полис. Политические исследования, 5, сс. 97–106. [Malinova, O. Yu. (2001) 'Party Ideologies in Russia: An Attribute or an Entourage?' [Partijnye ideologii v Rossii: atribut ili anturazh?], Polis. Political Studies, 5, pp. 97–106. (In Russ.)]. EDN ESCUIZ
- Мухаметов, Р. С. (2022) 'Влияние партийной идеологии на представительство женщин в политических партиях: результаты эмпирического анализа' в: Керимов, А. А. (ред.). Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, сс. 38–53. [Mukhametov, R. S. (2022) The influence of party ideology on the representation of women in political parties: the results of an empirical analysis [Vlijanie partijnoj ideologii na predstavitel'stvo zhenshhin v politicheskikh partijah: rezul'taty jempiricheskogo analiza] in: Kerimov, A. A. (ed.) Woman and the State. Historical, political, and socio-legal dimensions of relationships (problematic approach) [Zhenshhina i gosudarstvo. Istoriko-politicheskie i social'no-pravovye izmerenija vzaimootnoshenij (problemnyj podhod)]. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, pp. 38–53. (In Russ.)]. EDN DUTHLA.

- Мухаметов, Р. С. (2021) 'Сравнительный анализ организационной структуры политических партий РФ и США', Вестник Томского государственного университета. Сер. История, 70, сс. 89–95. [Mukhametov, R. S. (2021) 'Comparative analysis of the organizational structure of the political parties of the Russian Federation and the USA' [Sravnitel'nyj analiz organizacionnoj struktury politicheskikh partij RF i SShA], Bulletin of Tomsk State University. Ser. History, 70, pp. 89–95. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/19988613/70/13. EDN OQTVQC.
- Работяжев, Н. В. (2014) 'Между традицией и утопией: левый консерватизм в России', Полис: Политические исследования, 4, сс. 114–130. [Rabotyazhev, N. V. (2014) 'Between Tradition and Utopia: Left-Wing Conservatism in Russia' [Mezhdu tradiciej i utopiej: levyj konservatizm v Rossii], Polis: Political Studies, 4, pp. 114–130. (In Russ.)]. EDN SJGLVT.
- Aldrich, A. (2020) 'Party Organization and Gender in European Elections', *Party Politics*, 26(5), pp. 675–688. DOI: 10.1177/1354068818806630.
- Aldrich, J. (1995) *Why Parties? The Origin and Transformation of Political Parties in America*. Chicago: University of Chicago Press. 349 p.
- Bauhr, M., Charron, N., Wängnerud, L. (2024) 'Will Women's Representation Reduce Bribery? Trends in Corruption and Public Service Delivery Across European Regions', *Political Behavior*, 46(4), pp. 2427–2450. DOI: 10.1007/s11109-024-09925-x.
- Benoit, K., Laver, M. (2007) 'Estimating Party Policy Positions: Comparing Expert Surveys and Hand-coded Content Analysis', *Electoral Studies*, 26, pp. 90–107. DOI: 10.1016/J.ELECTSTUD.2006.04.008.
- Berge von dem, B., Poguntke, T., Obert, P., Tipei, D. (2013) *Measuring Intra-Party Democracy: A Guide for the Content Analysis of Party Statutes with Examples from Hungary, Slovakia and Romania*. Heidelberg: Springer. 65 p.
- Berge von dem, B., Poguntke, T. (2017) 'Varieties of Intra-Party Democracy: Conceptualization and Index Construction', in: Poguntke, T., Webb, P., Scarrow, S. (eds.) *Organizing Political Parties: Representation, Participation, and Power*. Oxford: Oxford University Press, pp.136–157.
- Casas-Arce, P., and Saiz, A. (2015) 'Women and Power: Unpopular, Unwilling, or Held Back?' *Journal of Political Economy*, 123(3), pp. 641–669. DOI: 10.1086/680686
- Caul, M. (1999) 'Women's Representation in Parliament: The Role of Political Parties', *Party Politics*, 5(1), pp. 79–98.
- Childs, S., and Kittilson, M. C. (2016) 'Feminizing Political Parties: Women's Party Member Organizations within European Parliamentary Parties', *Party Politics*, 22(5), pp. 598–608. DOI: 10.1177/1354068816654320
- Coman, E., and Shair-Rosenfield, S. (2025) 'Women on the ballot and women at the polls: how women's representation shapes voter turnout in local elections', *Political Science Research and Methods*. DOI: 10.1017/psrm.2025.2
- de Barros Reis, C., Ribeiro, R., and Cimini, F. (2024) 'Revisiting the nexus between corruption and gender: does women's political participation in parliament matter?' *International Review of Applied Economics*, 38(6), pp. 687–705. DOI: 10.1080/02692171.2024.2382098
- Dinas, E., and Gemenis, K. (2010) 'Measuring Parties' Ideological Positions with Manifesto Data: A Critical Evaluation of the Competing Methods', *Party Politics*, 16(4), pp. 427–450. DOI: 10.1177/1354068809343107
- Erzeel, S., and Caluwaerts, D. (2015) 'Is It Gender, Ideology or Resources? Individual-Level Determinants of Preferential Voting for Male or Female Candidates', *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 25(3), pp. 265–283. DOI: 10.1080/17457289.2015.1008495
- Erzeel, S., and Celis, K. (2016) 'Political Parties, Ideology and the Substantive Representation of Women', *Party Politics*, 22(5), pp. 576–586. DOI: 10.1177/1354068816655561
- Evans, G., and Whitefield, S. (1998) 'The Evolution of Left and Right in Post-Soviet Russia', *Europe-Asia Studies*, 50(6), pp. 1023–1042.
- Indriðason, I. H., and Kristinsson, G. H. (2015) 'Primary consequences: the effects of candidate selection through party primaries in Iceland', *Party Politics*, 21(4), pp. 565–576. DOI: 10.1177/1354068813487117

- Hansen, M. E. (2008) 'Back to the Archives? A Critique of the Danish Part of the Manifesto Dataset', *Scandinavian Political Studies*, 31(2), pp. 201–216. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2008.00202.x
- Hjorth, F., Klemmensen, R., Hobolt, S. et al. (2015) 'Computers, coders, and voters: Comparing automated methods for estimating party positions', *Research and Politics*, 2(2), pp. 1–9. DOI: 10.1177/2053168015580476
- Jankowski, M. (2019) 'The Effect of Electing Women on Future Female Candidate Selection Patterns: Findings from a Regression Discontinuity Design', *Politics & Gender*, 15(2), pp. 182–210. DOI: 10.1017/S1743923X19000096.
- Jost, J. (2021) *Left and Right: The Psychological Significance of a Political Distinction*. New York: Oxford University Press. 280 p.
- Kenny, M. (2013) *Gender and Political Recruitment: Theorizing Institutional Change*. New York: Palgrave Macmillan. 232 p.
- Kenny, M., Verge, T. (2013) 'Decentralization, political parties, and women's representation: evidence from Spain and Britain', *Publius: The Journal of Federalism*, 43(1), pp. 109–128. DOI: 10.1093/publius/pjs023.
- Kittilson, M. C. (2006) *Challenging Parties, Changing Parliaments: Women and Elected Office in Contemporary Western Europe*. Columbus: Ohio State University Press. 190 p.
- Klemmensen, R., Binzer Hobolt, S., and Hansen, M. (2007) 'Estimating policy positions using political texts: An evaluation of the Wordscores approach', *Electoral Studies*, 26, pp. 746–755. DOI: 10.1016/J.ELECTSTUD.2007.07.006
- Krook, M. L. (2010) 'Why are fewer women than men elected? Gender and the dynamics of candidate selection', *Political Studies Review*, 8, pp. 155–168. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2009.00185.x
- Kunovich, S., and Paxton, P. (2005) 'Pathways to Power: the Role of Political Parties in Women's National Political Representation', *American Journal of Sociology*, 111(2), pp. 505–552. DOI: 10.1086/444445
- Oversloot, H., and Verheul, R. (2006) 'Managing Democracy: Political Parties and the State in Russia', *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 22(3), pp. 383–405. DOI: 10.1080/13523270600855795.
- Pansardi, P., Vercesi, M. (2026) 'Do women promote women? Prime ministers' gender, ideology, and ministerial selection', *West European Politics*, 49(2), pp. 457–482. DOI: 10.1080/01402382.2025.2469024.
- Paxton, P., Hughes, M. M. (2016) *Women, politics, and power: A global perspective*. New York: Sage Publications. 379 p.
- Pop-Eleches, G., Tucker, J. (2010) 'After the Party: Legacies and Left-Right Distinctions in Post-Communist Countries', *SSRN Electronic Journal*, 1670127. DOI: 10.2139/ssrn.1670127
- Proksch, S.-O., Slapin, J. B., Thies, M. F. (2010) 'Party System Dynamics in Post-war Japan: A Quantitative Content Analysis of Electoral Pledges', *Electoral Studies*, 30 (1), pp. 114–124. DOI: 10.1016/j.electstud.2010.09.015.
- Pruysers, S., Cross, W. P., Gauja A. et al. (2017) 'Candidate selection rules and democratic outcomes: the impact of parties on women's representation', in: Poguntke, T., Webb, P., Scarrow, S. (eds.) *Organizing Political Parties: Representation, Participation, and Power*. Oxford: Oxford University Press, pp. 208–233.
- Purcell, N. L., Nagao H. (2023) 'Women in leadership in the party: Women's representation in intra-party leadership and party positions on gender equality in employment', *Party Politics*, 30(6), pp. 1100–1111. DOI: 10.1177/13540688231196424.
- Rahat, G., Hazan, R. Y. (2010) *Democracy Within Parties: Candidate Selection Methods and Their Political Consequences*. Oxford: Oxford University Press. 224 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199572540.001.0001.
- Stockemer, D. (2007) 'Why are There Differences in the Political Representation of Women in the 27 Countries of the European Union?', *Perspectives on European Politics and Society*, 8(4), pp. 476–493. DOI: 10.1080/15705850701640884.
- Sundström, A., Stockemer, D. (2022) 'Political Party Characteristics and Women's Representation: The Case of the European Parliament', *Representation*, 58(1), pp. 119–137. DOI: 10.1080/00344893.2021.1898458.
- Wauters, B., Pilet, J. B. (2015) 'Electing Women as Party Leaders: Does the Selectorate Matter?', in: Cross, W., Pilet, J. B. (eds.) *The Politics of Party Leadership: A Cross-National Perspective*. Oxford: Oxford University Press, pp. 73–89. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198748984.003.0005.

- Weeks, A. C., Caravantes, P., Espírito-Santo, A., Lombardo, E., Stratigaki, M., Gul, S. (2024) 'When is gender on party agendas? Mani festos and (De-)democratisation in Greece, Portugal, and Spain', *South European Society and Politics*, pp. 1–33. DOI: 10.1080/13608746.2024.2412746.
- White, H. (1980) 'A heteroskedasticity-consistent covariance matrix estimator and a direct test for heteroskedasticity', *Econometrica*, 48(4), pp. 817–838.
- Wojcik, A., Cislak, A., Schmidt, P. (2021) 'The Left is Right': Left and Right Political Orientation across Eastern and Western Europe', *The Social Science Journal*, pp. 1–17. DOI: 10.1080/03623319.2021.1986320.
- Xhaferaj, A. (2022) *Measuring Intra-Party Democracy in Political Parties in Albania*. Institute for Democracy and Mediation. Tirana, 95 p.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2025

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.10.2025

Статья принята к печати: 15.01.2026

THE MAIN DETERMINANTS OF WOMEN'S REPRESENTATION IN PARTY CANDIDATE LISTS: AN EMPIRICAL ANALYSIS

R. Mukhametov

Ruslan Mukhametov, Candidate of Sciences (In Politics), Associate Professor of the Department of Political Science, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Abstract

The article aims to identify the main factors that determine the representation of women in party candidate lists in the Russian party system. This study examines why some Russian political parties include more women than others. To accomplish this, the authors used quantitative regression analysis. The empirical base included data on Russian political parties obtained from various sources, including the Manifesto Project Database, parties' program content analysis results, and composition of party leadership and party structures data. The results of the statistical analysis showed that the presence of women in party leadership (positive correlation) is a significant factor affecting the representation of women in party candidate lists. There was no statistically significant relationship between the ideological orientation of the parties, the level of centralization of the party structure, and the representation of women in party candidate lists. The results indicate that, rather than its programmatic rhetoric or formal ideological positioning, the internal party structure is a key factor in increasing the representation of women on candidate lists. The presence of women in the party's governing bodies correlates with a higher proportion of women on electoral lists, suggesting a mechanism for intra-elite representation and the influence of access to power resources on personnel decisions.

Keywords: political parties; party ideologies; left and right in politics; intra-party democracy; political representation; women's participation; regression analysis.